

Зигмунд Фрейд

Цивилизация и ее тяготы¹

Перевод с английского Ивана Шолохова

I

Разнообразие человечества и его
духовного мира

Невозможно избежать впечатления, что люди часто используют фальшивые стандарты, — они ищут власти, успеха и благосостояния для себя и восхищаются теми, кто этого добился, но они недооценивают истинных ценностей в жизни. И все таки, делая подобные выводы, мы рискуем запомнить, насколько разнообразно человечество и его духовный мир. Существует совсем немного людей, от которых их современники не скрывают восхищения, хотя величие этих людей основывается на аттITUDEах и достижениях, не совпадающих с целями и идеалами большинства. Кто-то может предположить, что всего лишь меньшинство ценит этих великих людей, тогда как большинству до них нет дела. Но все, наверное, не так просто, благодаря расхождению между мыслями и действиями людей и разнообразию их желаемых импульсов.

Религия — иллюзия «океанического» чувства

Один из таких выдающихся исключительных людей называет себя моим другом в письмах ко мне (речь идет о Ромене Ролане. — *И.Ш.*). Я послал ему свою небольшую книгу, в которой рассматривается религия как иллюзия², и он ответил, что полностью согласен с

¹ Из книги: Freud Z. Civilization, Society and Religion // Civilization and Its Discontents. Suffolk: Pelican Books, 1987. P. 245–340.

² Freud Z. Civilization, Society and Religion // The Future of an Illusion. Suffolk: Pelican Books, 1987, P. 183.

моими рассуждениями по поводу религии, но сожалеет, что я не совсем точно оценил истинный источник религиозных чувств. Эти чувства, по его мнению, состоят в своеобразии, которое подтверждает он сам и многие люди, и которое присутствует у миллионов людей. Это чувство он называет ощущением «вечности», чувство чего-то безграничного, безбрежного — как будто «океанического». Он добавляет, что это чувство является чисто субъективным фактом, а не предметом веры; оно не несет с собой уверенности в личной бессмертности, но является источником религиозной энергии, которая направляется различными Церквями и религиозными системами в определенные русла. Кто-то, полагает мой друг, справедливо называет себя религиозным только на основании этого океанического чувства, даже если он отвергает каждое убеждение и каждую иллюзию.

Взгляды, выраженные моим другом, которого я очень уважаю, и который сам однажды оценил чудо иллюзии в одном стихотворении¹, поставили меня в затруднительное положение. Я не могу обнаружить это «океаническое» чувство в себе. Нелегко с научной точки зрения рассматривать чувства. Можно попытаться описать их психологические признаки. Где это невозможно — и я боюсь, что океаническое чувство также относится к этой характеристике — ничего не остается, как вернуться к идейному содержанию, которое наиболее часто ассоциируется с чувством. Если я правильно понял своего друга, то он этим имеет в виду тоже самое, как утешение, предложенное оригинальным и эксцентричным драматургом своему герою, который встречает смерть от своей собственной руки. «Мы не можем выпасть из этого мира»². Это, так сказать, чувство неразрывной связи, бытия как единого целого с внешним миром. Хочу отметить, что для меня это кажется чем-то более в духе умственного восприятия, которое правда не обходится без тона чувства, но только в той мере, насколько

¹ [Ссылка добавлена в 1931] Lilui [1919]. — С тех пор, как опубликованы его две книги «La vie de Ramakrishna» [1929] и «La vie de Vivekanada» (1930), мне не нужно скрывать более, что друг, о котором идет речь в тексте, это Ромен Ролан.

² Christian Dietrich Grabbe [1801–36], Hannibal: «Ja, aus der Welt werden wir nicht fallen. Wir sind einmal darin».

Выделение Эго из окружающего мира

это присутствует в любом другом действии мысли того же уровня. Исходя из собственного опыта, я не смог бы убедить себя в начальной природе такого чувства. Но это не дает мне права отрицать, что такое происходит у других людей. Единственный вопрос это, правильно ли это чувство интерпретируется и должно ли оно относиться к *fons et origo* общей нужды в религии.

Мне нечего предложить, чтобы имело решающее влияние на решение этой проблемы. Идея получения человеком намека на связь с окружающим миром посредством мгновенного чувства, с самого начала направленного на эту цель, звучит странно и плохо стыкуется со структурой нашей психологии, которая пытается найти психоаналитическое — то есть генетическое объяснение подобного чувства. Напрашивается следующий ход мысли. Обычно, более всего мы уверены в собственных чувствах, своем Эго. Это Эго представляется нам чем-то автономным и унитарным, четко отличным от всего остального. То, что такое представление обманчиво и что, напротив, Эго направлено вовнутрь безо всякого точного очертания в бесконечную духовную сущность, которую мы обозначаем как Ид (в психологии Фрейда — одна из трех частей мышления, которая совершенно бессознательна, но имеет нужды и желания)¹ и для которой эта часть (Ид) служит чем-то вроде фасада, — явилось открытием, впервые сделанном в ходе психоаналитического исследования, которое еще многое должно прояснить для нас об его отношении к Ид. Но по отношению к внешнему, на любом уровне, Эго, кажется, обладает ясными и четкими границами. Существует только одно состояние — признаться, необычное состояние, но не то, что может быть стигматизировано как патологическое, — в котором оно не обладает этим. На высоте влюбленности граница между Эго и объектом угрожает растаять. Вопреки всем свидетельствам своих ощущений влюбленный человек заявляет, что «Я» и «ты» являются единым целым, и готов вести себя таким образом, как если это было бы фактом. Чтобы с этим временно можно было покончить, физиологическая (т.е. нормальная) функция должна быть, конечно, подлежащей разрушению патологическими процессами. Патология познакомила нас

¹ Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow, 1993.

с множеством состояний, при которых пограничные линии между Эго и внешним миром становятся неопределенными или при которых они значительно искажаются. Есть случаи, когда части собственного тела человека, даже куски его собственной духовной жизни — его ощущения, мысли и чувства — представляются ему чужими и не принадлежащими его Эго; есть другие случаи, когда человек приписывает себе вещи внешнего мира, вещи, которые, очевидно, происходят из его собственного Эго и которые должны им (Эго) признаваться. Таким образом, даже чувство собственного Эго подвергается колебаниям и границы Эго не постоянны.

Дальнейшая рефлексия показывает нам, что Эго-чувство взрослого человека не могло быть одинаковым с самого начала. Оно должно было пройти процесс развития, который, конечно, не может быть продемонстрирован, но который предполагает построение с определенной степенью вероятности¹. Младенец, сосущий грудь, еще не отличает свое Эго от внешнего мира как источник ощущений внутри него. Постепенно он учится делать это в ответ на различные побуждения. Он должен быть сильно поражен тем фактом, что некоторые источники возбуждения, которые он позже узнает как органы своего тела, могут давать ему ощущения в любой момент, тогда как другие источники уходят от него время от времени — среди них то, что он желает больше всего, т.е. грудь матери — и появляется снова только в результате его крика о помощи. Таким образом, впервые Эго противопоставляется «объект» в форме чего-то, что существует «снаружи» и появляется только при специальных действиях. Дальнейший стимул к освобождению Эго от общей массы ощущений — то есть к признанию «снаружи» как внешнего мира — обеспечивается частыми, многообразными и неизбежными ощущениями боли и неудовольствия удаления и уклонения того, чем наслаждался по привычке не лимитированного доминирования удовольствия. Появляется тенденция отделять от Эго все, что может стать источником такого неудовольствия, отбрасывать такой ис-

¹ Сравните много работ на тему эго-развития и эго-чувства, начиная с работы Фиренчи «Stages in the Development of the Sense of Reality» (1913) и заканчивая трудами Федерна 1926, 1927 и более поздних годов.

точник и создавать чистое Эго-удовольствия, которое противопоставляется незнакомому и пугающему «снаружи». Границы такого Эго-удовольствия не могут избежать ректификации с опытом. Некоторые вещи, которые не хочется бросать, потому что они дают удовольствие, тем не менее, являются не Эго, а объектом; и некоторые страдания, от которых хочется избавиться, оказываются неотделимы от Эго в виду своего внутреннего происхождения. Человек начинает познавать процедуру, с помощью которой, через намеренное направление своей сенсорной деятельности и через соответствующую мускульную деятельность, он может отличать внутреннее, — что принадлежит к Эго — и внешнее — что приходит из внешнего мира. Таким образом, человек делает первый шаг к познанию принципа реальности, который будет доминировать на будущее развитие. Эта дифференциация, конечно, имеет практическую цель способствовать человеку защищать себя от ощущений неудовольствия, которые он испытывает или которыми он напуган. Чтобы отражать определенные неприятные раздражители изнутри, Эго может использовать только те методы, которые оно задействует против неудовольствия, исходящего снаружи, и это является отправной точкой важных патологических расстройств.

Эго-чувство — остаток всеобъемлющего чувства

Таким образом, Эго отделяет себя от внешнего мира. Или, точнее, сначала Эго включает в себя все, позже оно отделяет от себя внешний мир. Наше настоящее Эго-чувство является поэтому только съезженным остатком куда более широкого — и в самом деле, всеобъемлющего — чувства, которое согласовывается более тонкой связью между Эго и мира вокруг него. Если признать, что существует много людей, в чьей духовной жизни это начальное Эго-чувство перешло на больший или меньший уровень, то оно будет существовать в них бок о бок с необрисованным или, соответственно, четко выделенным Эго-чувством зрелости как начального Эго-чувства. В этом случае будет соответствующее идейное содержание, заключающееся в безграничности пространства и связи с Вселенной — те же идеи, с помощью которых мой друг разъяснял «океаническое» чувство.

Неравномерность эволюции

Но имеем ли мы право признавать выживание того, что изначально было там, и того, что было отделено от это-

го. Несомненно. В таком феномене нет ничего странного, происходит это в духовной области жизнедеятельности человека или где-то еще. По поводу животного мира мы придерживаемся мнения, что наиболее развитые виды произошли от наименее развитых; и все же большинство простейших форм существует и по сей день. Огромные ящеры вымерли, проторив путь млекопитающим; но яркий представитель вымершего вида — крокодил — живет и сейчас. Эта аналогия может быть слишком отдаленной и ослаблена тем обстоятельством, что более примитивные виды, которые выживают, в большинстве своем не являются прямыми предками современных более развитых видов. Как правило, промежуточные связи исчезли и известны нам только через реконструкцию. С другой стороны, в сфере разума то, что примитивно, часто сохраняется рядом с трансформированной версией, произошедшей от этого примитивного так, что не обязательно представлять приводить примеры в качестве доказательства. Когда это происходит, то происходит вследствие расхождения в развитии: одна часть (в количественном измерении) аттитюда или инстинктивного импульса осталась нетронутой, тогда как другая часть прошла дальнейший путь развития.

Однажды сформированное в духовной жизни не может полностью исчезнуть

Это приводит нас к более общей проблеме сохранения в сфере разума. Вряд ли предмет был до сих пор изучен; но он настолько привлекателен и важен, что мы позволим себе обратиться немного к данной теме, даже если нашего оправдания недостаточно. С тех пор как мы перестали ошибочно полагать, что знакомое нам забывание, означает разрушение следа памяти, — то есть его уничтожение — мы склонны поддерживать противоположную точку зрения, по которой ничего однажды сформированное в духовной жизни не может исчезнуть, — что все каким-то образом сохраняется и что при соответствующих обстоятельствах (когда, например, регрессия отходит достаточно далеко) может снова возникнуть на поверхности. Давайте попробуем понять по аналогии с другой сферой деятельности, что это предположение в себя вовлекает. В качестве примера мы возьмем историю вечного города¹. Историк

¹ Основано на издании The Cambridge Ancient History, 7 (1928): «The Founding of Rome», автор Hugh Last.

говорят, что древнейший Рим был Roma Quadrata, огороженное поселение на Палатине. Затем последовала фаза Septimontium, федерация поселений на разных холмах; потом возник город огороженный стеной Сервиана; и позже, после всех трансформаций в период республики и ранних Цезарей, был город, который император Аврелий окружил своими стенами. Мы не будем следовать за изменениями, которым подвергался город далее, но спросим себя, что может найти сохранившимся визитер, коего будем считать вооруженным наиболее полными историческими и топографическими знаниями, от тех ранних стадий в современном Риме. За исключением двух пролетов мы увидим стену Аврелия почти без изменений. В некоторых местах можно будет найти секции стены Сервиана, где они были раскопаны. Если визитер много знает — больше, чем современная археология — то он может, наверное, обнаружить по карте место нахождения всей той стены и границы Roma Quadrata. От зданий, находившихся некогда на древней территории, он не найдет ничего или только скудные остатки, т.к. строений не существует более. Самая лучшая информация о Риме во времена республики поможет ему лишь отметить места, где находились ранее храмы и общественные здания той эпохи. На их месте сейчас руины, но не руины древних сооружений, а тех, что были построены позже после пожаров или разрушений. Наверное, необязательно отмечать, что все эти остатки древнего Рима находятся включенными в нагромождения огромного метрополиса, который вырос в течение последних нескольких веков с эпохи Ренессанса. Конечно, осталось немало древнего, погребенного в земле города или под его современными постройками. Это путь, каким прошлое сохраняется в таких исторических местах, как Рим.

Что было бы, если однажды возникшее продолжало бы существовать вместе с последующим

Теперь давайте, используя воображение, предположим, что Рим это не человеческое поселение, а физическая сущность с похожим длинным и повторяющимся прошлым — сущность, в которой, так сказать, ничего однажды возникшее не исчезало бы и все предыдущие фазы развития продолжали бы существовать вместе с последней. Это значит, что в Риме все древние места и постройки, связанные с Цезарями и другими эпохами, находились бы в своем первозданном виде сейчас, как и раньше на Палатине, а на стенах замка Св. Анжело до

сих пор стояли бы прекрасные статуи, которые украшали их до осады Готов и так далее. Но более того. На месте, где сейчас находится Палаццо Каффарелли стоял бы одновременно и Храм Юпитера Капитолинус; последний стоял бы не только в своей последней модификации, как видели его граждане Римской Империи, но и в более раннем варианте, построенном этрусками и орнаментированном в цвете терракота. Там, где находится сейчас Колизей, мы видели бы одновременно и исчезнувший Золотой дом Нерона. На Пиацца Пантеона мы нашли бы не только современный Пантеон, как он был оставлен нам Хадрианом, но на той же стороне было бы и величественное здание, воздвигнутое Агриппой; в самом деле, на одном и том же участке земли стояли бы церковь Святой Марии и древний храм, над которым она была построена. Наблюдатель мог бы, вероятно, только поменять направление взгляда или свою позицию, чтобы вызвать одно или другое изображение.

Одно и то же пространство не может иметь два разных содержания

Ясно, что нет необходимости закручивать нашу фантазию далее, т.к. это ведет к невообразимым и даже абсурдным вещам. Если мы хотим представить историческую последовательность в пространстве, то можно сделать это только путем сопоставления в пространстве: одно и то же пространство не может иметь два разных содержания. Наша попытка кажется пустой игрой. У нее есть только одно оправдание. Она показывает, насколько далеки мы от владения характеристиками духовной жизни, представляя их в картинках.

Сносы и переносы происходят в ходе самого мирного развития

Есть и другое возражение, которое нужно принять во внимание. Может возникнуть вопрос, почему мы выбираем именно прошлое *города*, чтобы сравнить его с прошлым сознания. Предположение о том, что все прошлое сохраняется, держится даже в духовной жизни только при условии, что орган сознания остался нетронутым и что его ткани не были повреждены травмой или воспалением. Но в истории любого города нет недостатка в деструктивных влияниях, сравнимых со случаями таких заболеваний, даже если город имел менее пестрое прошлое, чем Рим, и, даже если он, как Лондон, почти не страдал от нашествий врагов. Сносы и переносы построек происходят в ходе самого мирного развития города. Город, таким образом, а priori подходит для сравнения такого рода с духовным организмом.

Только в сознании существует сохранение всех предыдущих стадий вместе с последней формой

Мы поддаемся этому возражению; и, бросая нашу попытку показать поражающий контраст, вернемся вместо этого к тому, что в конце концов является более близким объектом для сравнения — телу животного или человека. Но здесь опять мы находим ту же вещь. Более ранние фазы развития бессмысленно сохранены; они впитались в более поздние фазы, для которых и предоставили материал. Эмбрион не может быть открыт во взрослом человеке. Железа тимуса замещается при половом созревании связующей тканью, и более не проявляет себя; в костном мозге взрослого человека я могу на самом деле проследить опечаток детской кости, но она сама по себе исчезла, удлинившись и уплотнившись до принятия определенной формы. Остается факт, что только в сознании существует такое сохранение всех предыдущих стадий вместе с самой последней возможной формой и что мы не представляем этот феномен в иллюстрациях.

Сохранение прошлого в духовной жизни — правило, а не исключение

Возможно, здесь мы заходим слишком далеко. Возможно, нам следует удовлетвориться утверждением, что прошлое в духовной жизни *может быть* сохранено и *не обязательно* разрушается. Всегда возможно, что даже в сознании что-то из старого вычеркнуто или поглощено — либо при обычном ходе вещей, либо в качестве исключения — до такой степени, что никак не подлежит восстановлению или оживлению; или, что сохранение в общем зависит от определенных благоприятных условий. Это возможно, но мы ничего об этом не знаем. Мы можем только держаться за тот факт, что сохранение прошлого в духовной жизни — это скорее правило, чем исключение.

Происхождение религиозного отношения от чувства детской беспомощности

Таким образом, нам очень хочется признать, что «океаническое» чувство существует у многих людей, и мы склонны проследивать его путь от ранней фазы Эго-чувства. Тогда возникает следующий вопрос, какому требованию должно отвечать это чувство в качестве источника для религиозных нужд.

Для меня такое требование не кажется убедительным. В конце концов, чувство может быть только источником энергии, если оно само по себе является выражением сильной нужды в чем-либо. Дери́вация религиозных нужд от младенческой беспомощности и тоске по отцу неопровержимо возникла, мне кажется потому, что чувство не просто продляется с детства, но перманент-

«Океаническое» чувство как религиозное утешение

но поддерживается страхом превосходной силы Судьбы. Я не могу так сильно думать о какой-либо нужде в детстве, как о нужде по отцовской защите. Таким образом, часть сыгранная океаническим чувством, которое может искать что-то вроде возрождения безграничного нарциссизма, изгоняется с места на передний план. Происхождение религиозного отношения можно четко проследить от чувства детской беспомощности. За этим может быть что-то еще, но на сегодняшний день это окутано неизвестностью.

Могу представить, что океаническое чувство могло позже соединиться с религией. «Единение с Вселенной», что составляет ее воображаемое содержание, звучит как первая попытка религиозного утешения, как будто был другой путь открытия опасности, которую Эго узнает как опасность из внешнего мира. Позвольте заметить еще раз, что для меня очень сложно работать с этими почти неосязаемыми величинами. Другой мой друг, чья ненасытная жажда знаний приводила его к осуществлению самых неожиданных экспериментов и закончилась приобретением энциклопедических знаний, уверил меня, что с помощью йоги, путем выхода из мира, фиксации внимания на функциях тела и особенных способах дыхания человек может вызвать в себе новые ощущения, которые он относит к регрессии исконных состояний разума, которые были когда-то заглушены. Он видит в них психологический базис и мудрость мистицизма. Было бы не сложно найти здесь связи с некоторыми неясными модификациями духовной жизни такими, как трансы и экстазы. Но я хочу воскликнуть словами персонажа Шиллера:

«...Es freue sich,
Wer da atmet im rosigten Licht»¹.

(Продолжение следует)

¹ «Да возрадуется тот, кто вздыхает здесь в розовом свете!» (Schiller, «Der Taucher»)

переводы
